
Яна Алимова
Ошибка
Как врачебная ошибка может изменить жизнь и сделать женщину счастливой
18+

Яна Алимова

Ошибка

«Автор»
2026

Алимова Я.

Ошибка / Я. Алимова — «Автор», 2026

Нине Сергеевне шестьдесят. По настоянию сына она проходит обследование, которое неожиданно оборачивается страшным известием. Сколько ей осталось жить? Месяц, полгода, год? Врач не берется ничего обещать.Не желая омрачать жизнь сына и превращать оставшееся время в бесконечное ожидание неизбежного, Нина решает никому ничего не рассказывать. И когда подруга приглашает ее в путешествие, она неожиданно для самой себя отправляется в дорогу. Ее ждут гостеприимный дом, ароматы гор, шумный восточный базар, удивительная кухня и люди, которые становятся близкими. А еще — встреча с мужчиной, способным вновь заставить ее сердце биться чаще.Кто сказал, что в шестьдесят семь лет уже поздно влюбляться, строить планы и начинать все сначала? Нина и представить не могла, что впереди ее ждет настоящее чувство, ради которого захочется жить.Но ей придется вернуться в Москву. И там выяснится, что порой ошибка способна перевернуть жизнь и подарить человеку счастье, которого он уже не надеялся найти.

© Алимова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Глава 9 31
Глава 10 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Яна Алимова
Ошибка

Оглавление
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 1

Нина Сергеевна легкой поступью вошла в кабинет врача.

На днях она прошла полное обследование по настоянию сына, тот собирался в длительную заграничную командировку и попросил:

— Мама, пойми, я должен быть уверен, что с тобой все в порядке. Ну чтобы… без неожиданностей! Ты меня понимаешь?

В свои неполных шестьдесят пять лет Нина Сергеевна прекрасно выглядела, держалась молодцом. Да что там! Она все еще покупала себе модные вещи, следила за трендами, ходила к косметологу, ежедневно делала легкий макияж, и раз в месяц стриглась у дорогого мастера. Могла себе позволить: сын ни в чем ей не отказывал. Каждый месяц на карту падала приличная сумма, которую Нина Сергеевна даже не успевала тратить полностью.

…— Хорошо, Евгений, — она называла сына только так. — Сделаю, как ты хочешь. Тем более я давно не была у костоломов.

— Почему костоломов? — опешил сын.

— А кто ж они есть? Придешь к ним здоровым, а уйдешь… Вспомни отца! Пошел с прыщиком! А ему? У вас… — женщина махнула рукой. — Сколько прожил отец после того приговора?

— Полгода, — машинально ответил сын.

— Ну не костоломы ли? Пока живешь, не зная, — все у тебя хорошо. А Паша сломался! И именно после врача.

— Мама, ну при чем тут врачи? Если отец был болен.

— А не пошел бы, так и был бы жив.

— Так что, не пойдешь на обследование? — обреченно спросил сын.

— Почему? Пойду, конечно. У меня нет никаких прыщиков.

Прыщиков у Нины Сергеевны действительно не было. Но тем не менее прогноз врача был неутешителен.

— Все бы ничего, Нина Сергеевна, — промолвил невролог. — Но у вас начинается Альцгеймер. Вы знаете, что это за болезнь?

Врач внимательно рассматривал снимки и другие анализы.

— Знаете? — задал он вопрос повторно.

Нина Сергеевна затравлено кивнула.

Весь лоск, вся ее самоуверенность вдруг куда-то испарились. Она посмотрела на свои руки, и ей даже показалось, что они прямо сейчас покрылись старческими коричневыми пятнами.

Нина Сергеевна в ужасе вскрикнула. Она гордилась своими абсолютно белыми ручками без единого пятнышка старческой гречки. У всех ее подруг руки были испещрены ею, а у нее нет.

— Ну что вы! Не стоит так волноваться, — промолвил доктор, не поднимая головы от писанины. — Медицина шагнула вперед, и есть поддерживающие методы.

Врач еще что-то бубнил о том, как они могут поддержать ее ум в более-менее нормальном состоянии, но голос его доносился словно откуда-то издалека.

Нина Сергеевна смотрела сквозь врача — она унеслась далеко, в свою молодость. Вот она сидит на кухне у Ирки, своей одноклассницы. Ее мама — высокая, красивая блондинка с длинными волосами, — элегантно курит, закинув ногу на ногу, и расспрашивает у девчонок о том, как прошел день.

Вот та же кухня, и Берта Александровна, все еще очень красивая женщина в шелковом халате, слегка открывающем ее шикарную грудь, варит кофе и разливает всем троим. В этот раз они уже курят все вместе — девушкам по двадцать лет.

А вот они с Иркой сидят уже вдвоем на кухне и пьют кофе, который сварила Ирка, и курят… Без Берты. Она лежит в своей комнате — худая, страшная, со всклоченными волосами, — и периодически кричит:

— Ирка, ты снова привела мужика? Пусть он и меня выебет. Ирка, я кому сказала. Пусть твой мужик зайдет ко мне. Я хочу, ты слышишь?

Потом она неожиданно появляется на кухне, долго и пристально смотрит на Нину. Девушку сковывает страх от этого пристального изучающего взгляда. Потом старуха резко хватает ее за руку и тащит в спальню со словами:

— Пойдем, я тоже хочу тебя. Ирка! — орет она. — Ты же не будешь против, если Алексей разочек и меня трахнет?

Нина отбивается, кричит. Но вырваться из цепких рук Берты не так-то и просто. На помощь приходит Ирина, и вместе они кое-как укладывают Берту, Ира дает ей лекарство. Нет, не так, скорее, засовывает в рот… Берта визжит, матерится, сносит на своем пути все, до чего может дотянуться…

…Знает ли она про Альцгеймер? Знает ли она? Тогда от Ирки отвернулись все подруги, осталась только Нина. Да и она стала все реже и реже заглядывать к ней по понятной причине.

— Знаю, — кивнула Нина Сергеевна и в упор посмотрела на доктора. — Сыну не говорите, если придет.

— Хорошо, как скажете, — пообещал доктор. — Но вам понадобится уход и…

Но Нина Сергеевна уже не слушала. Она знает про уход абсолютно все…

Выйдя из кабинета врача, Нина прошептала:

— А вот и хрен тебе и твоему Альцгеймеру, костолом несчастный. Я ни за что не стану такой, как Берта. Понял? — она обернулась и посмотрела на дверь, из которой только что вышла, хотела плюнуть, но природная интеллигентность не позволила это сделать.

Выйдя из поликлиники, Нина первым делом закурила тонкую длинную сигаретку с ментолом. Сын давно предлагал перейти на новомодную штучку. Как же она называется? Забыла?

Нина Сергеевна присела на скамейку. Забыла!

«А что я еще забыла? — спросила она у себя. — Частенько путаю Эльку и Дэльку. Так это и немудрено. Их все путают. Недаром же они близнецы! Так, что еще? Наобещала Витьке, что весной помою ему окна, и не помыла. Да, забыла. А с какой такой стати вообще я должна мыть ему окна? Ни с какой. Но ведь я забыла! Реально забыла! А потом этот концерт. Я тоже совсем забыла о нем. Как я могла?! Ирка ждала меня. А еще я не помню некоторых слов на французском. А ведь я владела им в совершенстве…»

Так Нина Сергеевна просидела долго, пока у нее слегка не подмерзли ноги. Тогда она встала и пошла домой.

Путь пролегал через сквер, в котором всегда кто-то выступал. То какие-то певцы, то танцоры, то кришнаиты пели свои мелодии с одним набором слов.

В тот день были цыгане. Играла зажигательная музыка, цыганка танцевала. Нина Сергеевна остановилась против воли, ее будто магнитом тянуло туда, где танцевала молодая черноволосая красивая женщина. Как же были хороши ее движения!

Тело Нины вдруг тоже запросилось танцевать, оно будто вспомнило, как это хорошо быть легким и свободным — женщине стоило больших усилий сдерживать себя. Но в какой-то момент она не смогла сдержаться и выскочила в круг.

Молодая цыганка, все поняв, кинула ей свой яркий цветастый платок. Нина схватила его, обвязала вокруг талии и пустилась в настоящий цыганский пляс.

И вот уже не на молодую танцовщицу, а на нее смотрит весь народ. Кто-то презрительно — куда, мол, старая полезла, — а кто-то с восхищением. Но Нине было все равно, она вдруг снова ожила в этом танце. Она танцевала так, как будто делала это всю жизнь.

А люди подходили и подходили. Их интересовала пожилая русская, которая так упоительно танцует и так чувствует мелодию, будто живет танцем.

Она и жила, прикрыв глаза и полностью отдавшись мелодии. А старый цыган играл и играл на своей гитаре. Временами он наращивал темп до такой степени, что казалось, сейчас лопнут струны, а порою он замедлял движение своих умелых пальцев так, будто они совсем переставали перебирать. Гитара слушалась его и издавала те звуки, которые он просил. А Нина подчинялась этим звукам и танцевала свой танец.

Она совсем не чувствовала усталости, тело снова было молодым и сильным, как когда-то очень давно. Ей даже показалось, что оно помнит — лучше нее самой, как двигаться в ритме, как жить этим ритмом.

В голове звучала лишь одна мысль: «У меня все хорошо, и будет еще лучше!»

— Пойдем с нами, — пригласил ее цыган после танца. — Будешь танцевать с Радой. Вон сколько денег дали. Заработаешь. Пойдем?

— Куда? — рассмеялась Нина.

— По миру! — ответил цыган и повел рукой, будто показывая, какой огромный мир.

Нина развеселилась еще сильнее.

— По миру? — она тоже повела рукой. — Как интересно. По миру… Нет. Спасибо. Я не могу пойти по миру.

Она отказалась и пошла домой, увидев, как расстроился старый цыган.

Глава 2

В тот же вечер Нина позвонила сыну:

— Сынок, со мной все хорошо. Можешь ехать в свою командировку. Доктор сказал, что еще лет пятнадцать твоя мать не принесет тебе никаких хлопот.

…А рано утром позвонила Ирка:

— Нина, послушай, — затараторила она, — тут путевки предлагают в Узбекистан: прилетим в Ташкент, потом Самарканд, Бухара, Хива. Вроде недорого. Может поедем?

— Обязательно поедем, — тут же ответила Нина вслух, — а про себя подумала: «Пойду по миру, как тот цыган!»

Ташкент встретил ослепительно ярким солнцем, цветами, жарой и необыкновенно чистым синим небом.

— Ира, я не поеду сегодня в Самарканд, — обняв подругу, сообщила Нина. — Ты езжай одна. Я хочу в горы. Там есть огромное водохранилище и какая-то деревня на его берегу.

— Какая деревня, Нина? Ты совсем того? — Ира была ошеломлена.

— Пока еще нет.

— У нас тур, Нина. Да и нет у них деревень. Мы ж не в России.

— Есть, Ириша, есть, они просто по-другому называются, я забыла как.

«Забыла! Опять забыла!»

— Нина, ты с ума сошла? У нас тур! — снова повторила подруга. — Как ты тут одна? Я не могу с тобой, прости. Я не люблю горы. Помнишь тот случай?

— Ничего. Ириша, ничего. Ты поезжай, а я хочу туда. Я не обижусь, с чего бы? Это мое решение. Я все понимаю, тебе страшно.

В 2011 году Ира отдыхала в горах под Ташкентом: тряхануло тогда не слабо. Семь баллов.

…Горы встретили таким ароматом, что просто сносило с ног. Нина попросила шофера остановить машину. Молодой узбек послушно остановился у обочины и удивленно посмотрел на свою пассажирку.

Она вышла из машины и легла на траву, и так пролежала долго. Нина любовалась синевой, раскинувшейся прямо над ней, и вдыхала необыкновенные ароматы горного воздуха.

«Ира рассказывала мне, как необычайно вкусно дышать этими воздухом. Она не соврала».

— Послушай, — Нина приподнялась на локте и обратилась к парню, — а почему такой запах?

Парень пожал плечами и ответил:

— Так весна. Все проснулось —

вот и пахнет.

— Все проснулось. Все проснулось. Поехали! — скомандовала Нина и поднялась резво, как молодая женщина.

Озеро появилось совершенно неожиданно, оно будто выскочило из ниоткуда и раскинулась так далеко, на сколько хватало взгляда.

— Эй, парень, а тебя как зовут?

— Рустам.

— Рустам, останови снова, а я заплачу, сколько скажешь. Меня Нина зовут.

— Не надо, апа. Я остановлю без денег.

Ему понравилась эта странная женщина. Она любовалась его родиной.

Нина вышла из машины и подошла к отбойнику, дальше обрыв, а там внизу плещется Чарвак.

«Боже, какой простор, какая красота!»

Синяя гладь водохранилища была окружена горами, подернутыми нежной дымкой зелени, у Нины закружилась голова, навернулись слезы, и мороз побежал по коже.

«Как хорошо, что я сюда приехала. А Самарканд? Ничего. Я потом съезжу. Может быть!»

— Слушай, Рустам, а как называется деревня? Ну которая там… куда мы едем?

— Юсуп-хона. Только это не деревня, а кишлак.

— Рустам, а ты почему так хорошо по-русски говоришь?

— Так в русской школе в городе учился. Друзья русские были. И девушка была, — парень загрустил.

— А что случилось, Рустам? Расскажи.

— Зачем вам, Нина-апа? Это грустная история. А вы веселитесь, радуйтесь — отдыхать приехали.

— Расскажи, Рустам. Не все ж веселиться, — сказала, а сама подумала: «Нет, ничего не испортит моего настроения».

— Мы в одном классе с ней учились. Думали, закончим школу — поженимся, но ее отец сказал: «Нет, не отдам за узбека!» Да и мой был против, если честно. Уехали они вскоре… в Россию. А я сюда, домой вернулся. Вот, таксую теперь.

— Почему грустная? Хорошая история: ты вернулся домой. Это хорошо, — сказала Нина. — Рустам, а где можно пожить в вашем кишлаке? Я хочу тут все лето побыть. Ну или сколько захочу.

— Жарко летом… выдержите? У нас можно, — ответил парень. — Домик есть во дворе. Небольшой, мы его сдаем летом. И кухня есть. Сами будете готовить или наше кушать?

— Не знаю, Рустам, я пока об этом не думала. Захочу — приготовлю. А не захочу — так просто воды напьюсь. Я неприхотлива и всеядна.

— Зачем воды, э? — покачал головой парень. — Мама чай нальет, свежую лепешку подаст, кислое молоко. Скоро урюк поспеет. Я люблю урюк. А вы?

— Урюк? Я никогда не ела урюк. — Что вы, тетя, — вдруг назвал Нину Рустам на русский манер вместо «апа» и рассмеялся: — Так не бывает. Все ели урюк. Только вы его абрикосом называете или жерделей.

— Ого, какие познания! Ела, конечно, ела. А что у вас есть урюк во дворе?

— Конечно. Урюк в каждом дворе есть, на улице вдоль дороги растет, и в Ташкенте тоже, — снова рассмеялся Рустам. — Это как березки у вас. А у нас урюк. Весной сначала глаз радует цветами, потом плодами, а летом от жары спасает. Хорошая тень у него, густая. Я люблю сесть вечером под урючиной, пить зеленый чай и смотреть на горы. Тишина и спокойствие.

— Как ты хорошо, красиво рассказываешь! Я тоже так хочу!

— Так сегодня же вечером сядем!

Горы поразили Нину своей величественностью и красотой. Она делала фото бесконечно и даже снимала видео. Но фото не передавало и сотой доли той красоты, которую она видела прямо перед собой.

Затаив дыхание, Нина смотрела на огромные скалы вблизи и на горы, прикрытые шапками снега, которые были очень далеко. Временами Нина забывала дышать, так ей было все неведомо.

…Мать Рустама оказалась очень приветливой, довольно-таки молодой, красивой женщиной. Звали ее Василя. Нина обрадовалась — нетрудно запомнить. Василя, Василий, Вася. Нининого дедушку звали Василием.

В домике было очень чисто, уютно и прохладно, хотя на улице было уже достаточно жарко, несмотря на то, что заканчивался лишь май.

— Отдыхайте, Нина-апа. А я вам сейчас поесть принесу. Умойтесь с дороги, — предложила радушная хозяйка. — А потом Рустам вас на берег отведет, когда жара спадет. Он на рыбалку пойдет.

— На рыбалку? Как здорово! Мы с мужем ездили на рыбалку. А какая рыба ловится сейчас?

— Разная! Карась, сазан, если повезет, то и сома можно поймать.

Василя тоже неплохо говорила по-русски, лишь чувствовался небольшой акцент.

Горячая, только что испеченная лепешка, которую принесла хозяйка, оказалась такой вкусной, что Нина не заметила, как съела всю. Хотя поначалу замахала руками, отказываясь от такой огромной.

— Что ты, что ты, Василя! Я не съем столько.

— Ничего! Не съедите сегодня, останется на завтра. А вечером я шурпу для вас сварю. Горяченького поедите. Сейчас жарко — нет аппетита, а вечером жара спадает — и появится.

— У меня уже слюнки текут, Василя.

— Вы голодная, апа! — всплеснула руками Василя. — Так может на стол накрою? Идемте! Свежий салат порежу, мясо тушенное есть в холодильнике.

— Нет, нет, я немного отдохну, а кушать вечером.

Оставшись одна, Нина с удовольствием прилегла на кровать — постельное белье пахло свежестью и травами. Женщина только закрыла глаза и тут же провалилась в здоровый глубокий сон.

Проснулась она от тихого стука в дверь.

— Нина-апа, вы спите?

— Нет, нет, Рустам, — Нина Сергеевна быстро вскочила и резво открыла дверь. — Проходи.

На пороге стоял Рустам в шортах, футболке, и с удочками.

— Я на рыбалку, мама сказала, что вы тоже хотели к озеру спуститься! Пойдете?

— Конечно. Подожди меня немного, я только переоденусь.

Рустам кивнул:

— Я вам удочку взял. Будете рыбачить?

— Да ты что, давно не рыбачила… попробую! — вдруг решилась она.

Глава 3

К озеру вела асфальтированная довольно-таки широкая дорога. Чарвака не было видно. Туда-сюда сновали машины. Нина с интересом рассматривала людей, которые им попадались навстречу, дома, что стояли вдоль дороги. Все было совсем иначе, чем на ее родине: другие лица, другая одежда, другой язык.

Рустам бесконечно останавливался и здоровался с сельчанами, прижимая руку к груди и слегка кланяясь.

Люди внимательно рассматривали Нину, улыбались, что-то спрашивали у Рустама по-узбекски, тихонько, будто она могла понять.

Дорога вилась вниз, и с каждым поворотом воздух становился свежее и прохладнее, будто само озеро дышало в лицо. По краям росли деревья — высокие, кривоватые, с тугими зелеными листьями, среди которых мелькал первый фиолетовый шелковник. Дорога под деревьями будто была залита чернилами.

— Рустам, а можно сорвать одну ягодку? — несмело спросила Нина.

— Нина-апа, так у нас же есть во дворе, можно не одну, а целую касушку.

— Рустам, — взмолилась Нина, — я хочу прямо сейчас.

— Ну хорошо, — согласился парень и сорвал ей темно-фиолетовую ягоду.

Нина жадно схватила ее и положила в рот. Шелковник треснул у нее во рту, разлившись густым ароматным соком.

Нина прикрыла глаза и помяла языком ягоду.

— Боже, как вкусно. Я никогда не ела ничего вкуснее! — промолвила она.

Рустам счастливо улыбался. Ему определенно все больше и больше нравилась эта тетушка. Она не брюзжит и не ворчит, как все известные ему пожилые тетушки, всем довольна, и ей все по вкусу. Она все время в хорошем настроении, почти всегда улыбается. С ней легко и просто, будто знаешь ее всю жизнь.

Тем временем Нина проглотила ягоду, и ей хотелось еще, но она вспомнила, что Рустам сказал: у них во дворе есть шелковник.

«Обязательно хорошенько наемся, если Василя не будет против».

И вдруг случилось то, ради чего, быть может, и стоило прожить этот день. Резко, как удар, как вспышка, перед Ниной открылся Чарвак — гладкий, лазурный, невозможно красивый. Он лежал внизу, как зеркало неба, и так сливался с горизонтом, что хотелось шагнуть прямо в него, сразу, в одежде, в обуви, ни о чем не беспокоясь, без мыслей в голове. Нина замерла.

— Господи… — выдохнула она. — Господи, как же это… как же это красиво…

Дальше слов не было. Лишь тишина, и сердце, которое вдруг перестало биться как прежде — будто прислушалось к этой синеве, к далекому ветру, к звону невидимых струй воды. Она стояла, не двигаясь, и Рустам, который сначала хотел что-то сказать, посмотрел на нее — и не стал.

Она была похожа на ребенка, впервые увидевшего море. На женщину, впервые позволившую себе почувствовать. На человека, который не просто смотрит — а вбирает в себя все: горы, воду, и воздух, и себя в этом пейзаже.

Рустам невольно улыбнулся. Эта русская тетушка была какой-то особенной. В ее глазах было настоящее, щемящее восхищение, и он вдруг подумал, что, наверное, именно так — тихо и беззвучно — люди влюбляются в мир. И в таких женщин — тоже.

Он опустил глаза, чтобы она не заметила его взгляда, и занялся удочками. Делал все неспешно, спокойно, ловко — будто не замечал, что рядом происходит маленькое внутреннее землетрясение.

Нина подошла ближе, села рядом, но не брала в руки удочку.

— Я не могу, Рустам, прости… Рыба подождет. Ты приготовь пока. Может быть, чуть позже. Ладно?

— Конечно, подождет, — тихо ответил он, не поднимая головы.

Она не видела, как он улыбнулся.

Нина сидела, обняв колени, и смотрела на воду, которая чуть подрагивала от легкого ветерка, на горы, что в дымке поднимались высоко в небо, и на птицу, которая, не спеша, летела прямо над ними, будто показывала путь.

И вдруг подумала:

«Я живу. Я жива. Не знаю, сколько мне осталось — но я жива. И никто не отнимет у меня этот миг, эту тишину, эту синеющую даль, эту ясность, в которой нет ни болезни, ни страха, ни возраста. Только я и мир. Такой, каким он и должен быть».

Нина сидела, будто притаившись и желая услышать больше, чем слышат все люди. А озеро шевелилось, бликовало, и ветер гладил лицо — не тревожно, а как-то по-доброму. И вдруг — почти без перехода — пришло старое воспоминание, из детства. Такое светлое, что в горле защекотало.

Лето. Городская речка. Маленькая Нина — ей лет пять — стоит по щиколотку в воде, держась за руку отца. Он с ней — терпеливый, теплый, с выгоревшими на солнце волосами и огромными ладонями. От него пахнет папиросами, всегда пахло. Кажется, он курил Беломор-канал…

— Не бойся, — говорит отец. — Вода держит. Только доверься ей.

Нина тревожно взглянула на отца и доверилась… ему.

— Вот так, — приговаривал он. — Сначала полежи на спине, как лодочка, почувствуй воду, она на самом деле плотная и сильная. Это только кажется, что она все пропустит через себя. Нет, она умеет держать. Когда ты с ней чуть подружилась, делай плавные движения руками, гладь воду, раздвигай. Вот так… молодец… а потом ногами.

Отец держал ее, не крепко, а нежно, но Нина чувствовала его сильные руки в воде.

— Не бойся, — продолжал отец. — Я же рядом и держу тебя.

Спустя время, когда Нина почувствовала себя свободно, расслабилась, отец сказал:

— А теперь пробуй сама.

И она попробовала и поплыла сама. Нина вспомнила, как стучало ее сердце, как кружилась от счастья голова: получилось!

— Господи… — прошептала она. — Я же плыла… не боялась…

Озеро будто услышало ее мысли, будто вспыхнуло на солнце ярче. И Нина вдруг почувствовала — как же она хочет в воду. Не «походить по берегу», не «опустить руки» — нет. В воду… целиком. Отдаться ей, как тогда. И ничего не бояться.

— Жаль, — вслух сказала она, — купальник не надела.

Рустам что-то поправлял в своих снастях, не слышал, а может, сделал вид, что не услышал.

Нина встала. Ветер подхватил подол платья, по телу побежали мурашки, но она не передумала и пошла к озеру спокойно, медленно. Как будто кто-то звал.

Спустилась по камешкам, сняла шлепки и шагнула в воду. Она была еще прохладная, прозрачная, шевелилась вокруг лодыжек как живое существо. И снова — тот самый голос в голове: «Не бойся, вода держит, только доверься ей!»

Нина медленно пошла туда, где глубже, — сначала до колен, потом до бедер. В платье, в белье. Уже не важно.

Ничего, высохнет: вон как солнце греет, у них так даже летом не греет.

Мир становился другим. Ветер словно стих и тоже наблюдал за Ниной, звуки затихли. Было только солнце, вода, и она — снова плывущая.

Она легла на воду, как лодочка, как учил папа. Широко развела руки, закрыла глаза. И вода приняла ее…

Тело медленно качалось, платье расплывалось по глади, и Нина вдруг почувствовала себя невесомой. Не больной, не старой, не испуганной, а собой, просто собой. Какой она была, какой снова стала.

— Я живу, — прошептала она. — Я умею, я могу, и больше не боюсь.

На берегу Рустам приподнялся, глянул — и снова сел. Не подошел, милый мальчик, он понял все — этому моменту мешать нельзя.

Глава 4

Нина, смеясь вышла на берег, платье облепило ее тело, она смутилась и принялась отжимать подол.

Рустам понимающе отвернулся. Нина присела на камень и подставила лицо уходящему солнцу. Стало немного зябко.

«Надо брать полотенце и надевать купальник. Буду плавать каждый день, — решила Нина. — Буду приходить рано утром, пока никого нет, и наслаждаться покоем».

Чуть обсохнув, она подошла к Рустаму:

— Ну что у тебя? Клюет?

Рустам кивнул на пластиковое ведерко: там плескались две рыбки.

Нина радостно рассмеялась:

— Вот это да! Когда ты успел? Я тоже хочу.

— Так вам все готово, Нина-апа.

Он подал ей удочку. Она взяла ее бережно, неумело насадила червячка, размахнулась и закинула в гладь озера.

«Есть, есть еще сила, — удовлетворенно подумала она и принялась следить за поплавком.

Вдруг с силой дернуло, поплавок скрылся в воде.

— Клюнуло! — радостно заорала она. — Рустам, у меня клюет!

Она не растерялась и подсекла по старой привычке, интенсивно начала сматывать катушку.

— Рустам, тяжелая! Тянуть трудно! — она радовалась как ребенок.

— Вам помочь?

— Нет, я хочу сама. Погоди…

И вот появилась рыбка, она яростно сопротивлялась своей участи, била хвостом.

— Похоже, сазанчик, — внимательно вглядываясь, проговорил Рустам.

Нина сосредоточенно тянула рыбу, она получала неимоверное удовольствие от этой борьбы с рыбой. Рустам взял подсак и ловко подсунул под сазанчика, это был именно он.

— Попалась! — радостно вскрикнула Нина.

— Нина-апа, грамм восемьсот! — Рустам пробовал на вес Нинин улов. — Здорово. Не то что моя мелочь.

— Ага, новичкам везет. Ты знаешь, так мой муж всегда говорил. Когда мы впервые взяли Евгения на рыбалку, это наш сын, — пояснила Нина, — ему было всего пять лет. Муж дал ему удочку. И что ты думаешь? Сын сразу выловил крупного судачка. Сколько радости было! Какой он был гордый!

— Нина-апа, а сколько лет вашему сыну сейчас.

— Евгению тридцать девять лет.

— У него есть семья? У вас есть внуки?

Нина загрустила:

— Нет, Рустамка! Не женат. И детей нет.

Нина чуть помедлила, словно раздумывая, говорить или нет, решилась:

— Была жена Лена. Он привез ее из Перми. Милая деревенская девочка. Первая беременность не удалась. Вторая тоже. Совсем все плохо. Внематочная… ой, прости. Зачем тебе все эти подробности? Если коротко, то прожили еще двенадцать лет. Делали эко. Ой опять я не в ту степь… расстались в позапрошлом году. Евгений с тех пор один. Лена сама уехала. Он страдал… страдает… любит ее до сих пор. Но в семье нужны дети. Да что толку! — махнула рукой. — Детей так и нет. И жены нет. Я очень надеюсь. Спросила как-то — он замкнулся. Больше не спрашиваю. Работает очень много. Бесконечные командировки по всему миру. Сей-

час он тоже в командировке на полгода. Так что я совершено свободна. Рустам, не знаю, как пойдет дальше, но мне очень-очень нравится у вас.

— Нина-апа, завтра рано утром я уеду на работу, вернусь поздно. У меня заказ. Надо людей привезти сюда из города, а вечером отвезти назад. А вот послезавтра мы можем поехать с вами в Бричмуллу.

— Ту самую? — поразилась Нина и даже замерла от счастья. — О которой поют Никитины?

— Не знаю, Нина-апа, — смутился Рустам. — Но вроде Бричмулла у нас одна.

— Как здорово, Рустам. Я тебе очень благодарна. Очень хочу в Бричмуллу.

Нина больше ничего не поймала. Так бывает — первая удачная поклевка, восторг. А потом — ничего. Но она ни капли не расстроилась, еще раз искупалась, войдя в воду, как к своей старой знакомой. Плыть было трудно — мешало платье.

«Ничего, завтра я подготовлюсь».

Домой шли уставшие, но довольные. На Юсуп-хону уже опустились сумерки, и она выглядела совсем иначе, чем при солнечном свете.

С обеих сторон дороги Нина видела темные очертания домов, что придавало им таинственности.

Вдруг Нина почуяла необыкновенный, ни с чем не сравнимый, аромат — он был теплый, чуть пряный, с горчинкой.

— Рустам, чем так восхитительно пахнет?

— Инжир, — буднично ответил Рустам.

Конечно, ведь он каждый день ощущал эти запахи.

— Боже, где он? Покажи!

Рустам стал озираться.

— Нина-апа, не вижу. Пахнет, а не видно. Давайте придем домой, и я вам покажу. Он только недавно отцвел, но уже есть крошечные плоды. Он пахнет весь день, но почему-то именно вечером, ночью и рано утром наиболее ощутим аромат.

— Рустам, ты меня снова удивляешь. Как хорошо ты говоришь по-русски! Твой язык богат!

— Нина-апа, — смутился Рустам, — у нас был очень хороший учитель литературы. Виталий Яковлевич. Мы его обожали, а он нас. Это все он. А я еще и стихи пишу, — признавшись, парень совсем засмущался, покраснел.

— Да ты что! Вот это да. Почитаешь?

— Нина-апа, мне стыдно. Но может быть… когда-то…

— Да что ты, не надо смущаться. Ты такой молодец! Это же просто восторг. Я так рада, что именно ты привез меня. А я ведь долго выбирала, с кем ехать, и не ошиблась. Как день провела хорошо: домик у меня такой славный, накупалась, рыбку поймала! А ты какой собеседник! — Нина счастливо рассмеялась и потрепала Рустама по волосам. — У меня мог бы быть такой внук, ну или чуточку младше.

Рустам сильно смущался от ее речей и шел молча, но вдруг тихо начал читать стихи. Нина подошла ближе, чтобы лучше слышать, она едва дышала, слезы навернулись сразу после первых же строк.

— Лаская взор порою вешней,
Цветет и вишня, и черешня.
И им под стать наряд красив —
Цветущих яблонь, нежных слив.
И лишь акация одна
Стоит судьбой обделена.
Лишь молвит изредка прохожий:

— Как ей одной среди садов,
Без аромата, без цветов?
Не для нее веселье мая.
Она стоит, не расцветая…
Но отзвенела уж капель,
Прошла весна, и смолк апрель,
А с ним и май ушел в былое.
И вишни, пышные досель,
Осыпались и стихли снова.
И вдруг — на тишине жары,
Сквозь зной живой, душисто-млечный
Прохожий замирает: — Слышь?..
Откуда запах этот вечный?
Он встал и смотрит, чуть растерян,
Вдыхает — пахнет, как весна…
«Уж вишни спят, их цвет осыпан,
И сливы гнутся у плетня…»
И вдруг меж листьев свет прольется,
И сердце внемлет без труда —
Акация! Она, родная! —
Цветет, цветет, цветет она.

Он дочитал и не смел поднять головы. Нина остановилась, прижала руки к сердцу. Она так волновалась, что с трудом проговорила:

— Рустам, ты даже не представляешь, что ты написал. Как вовремя твой стих! Это ж про меня! Рустам! Я не могу и не хочу тебе рассказывать все, что я пережила за эти дни! Но ты сейчас словно художник завершил сегодняшний день — шикарным мазком по полотну ушедшего дня.

— Э нет, Нина-апа. Это не конец! Мама готовит шурпу. А ее шурпа почище моих стихов будет. Идемте!

И вдруг Нина действительно уловила тонкий аромат тушеного мяса, овощей, зелени, пряностей и еще чего-то нового, незнакомого, восточного.

Будто прочитав ее мысли, Рустам кивнул:

— Жара спала, все готовят.

Нина наслаждалась этой какофонией ароматов. Из каждого двора доносился свой, но они сливались воедино, будоражили аппетит.

— Пойдем быстрее, Рустам, побежали. Я умираю от голода.

— Что вы, Нина-апа, вверх бежать трудно…

Но Нина уже побежала с криком:

— Побегу, сколько смогу.

Она действительно почти мгновенно задохнулась, засмеялась и присела у чьего-то забора прямо на траву.

— Сейчас, сейчас, немного отдохну, и снова пойдем.

Сердце разогналось, дышать было трудно, но она была счастлива.

— Я ж говорил, — забеспокоился Рустам, — не слушаетесь. Вам плохо? Эх, и воду всю выпили!

— Нет, нет, что ты! Мне очень-очень хорошо. Я счастлива, Рустам. Мне давно не было так легко, хорошо и спокойно. Господи, спасибо Ирке. Какая она молодец! Это моя подруга, она меня привезла сюда. В Ташкент.

И в этот момент ей даже захотелось поблагодарить этого костолома — ведь если бы не он и не его дурацкий диагноз, Нина бы никогда не ощутила тех чувств, которые как лавина настигали ее сегодня.

«Я давно и сотой доли не переживала того, что я обрела сегодня», — подумала женщина, теребя руками нежную траву и продолжая вдыхать ароматы вечерней Юсуп-хоны.

Глава 5

До дома — рукой подать, уже видна калитка, деревянная с набитой дощечкой с цифрой тринадцать, когда вдруг…

Рустам помахал рукой и крикнул:

— Ассалом алейкум, Коля-ака.

Нина увидела к кому было обращено приветствие ее спутника: сверху резво спускался мужчина… русский.

За весь день она не видела ни одного человека европейской внешности, и даже стесняясь спросила об этом у Рустама:

— А что, русских разве в кишлаке совсем нет?

На что Рустам ответил:

— Есть, но мало. Еще увидите, но скоро будут приезжать отдыхающие из города. Русские будут обязательно. Немного, но встретите. А еще лагерь откроется: там вообще почти все русские — директор, воспитатели, вожатые, повара.

И вот русский пожилой мужчина: высокий, крепкий, подтянутый, с той породистой сединой, что говорит не только о возрасте, но и о пройденном жизненном пути. Лицо обветренное, глаза ясные, смотрят прямо, без суеты, без изучающего взгляда.

— Валейкум ассалом! — крикнул он в ответ Рустаму. — Яхшими сиз?

— Катта рахмат сизга, — рассмеялся Рустам.

Мужчина тоже широко улыбнулся.

Нина невольно замедлила шаг и шепотом спросила у Рустама:

— Кто это? — и незаметно кивнула в сторону незнакомца.

Рустам тоже замедлился, усмехнулся уголками губ:

— Это Николай-ака. Наш человек уже, местный почти. Пять лет как здесь живет. Немного говорит по-узбекски. Но я всегда улыбаюсь — плоховато говорит. По-русски лучше.

— Ваш человек? — переспросила Нина.

— Приехал из города совсем больной, худой, желтый. Поговаривают, что у него туберкулез был. Кумыс пил, фрукты, овощи ел. Жил у Ахрор-ака, потом старик умер, Николай-ака переехал к Мохире-апе. Был очень плохой, — покачал головой Рустам. — Еле ходил. А теперь — посмотрите, вон как бегает. Живет, будто заново родился. Горы его вытянули, кумыс, Чарвак, вода наша целебная. Помолодел даже.

Мужчина тем временем подошел ближе, поздоровался с Рустамом за руку, потом перевел взгляд на Нину, кивнул, она тоже кивнула и не отвела взгляд.

— Добрый вечер, — сказал он, и голос у него был такой бархатный, приятный.

— Добрый, — ответила Нина и вдруг ощутила, как внутри что-то дрогнуло, едва заметно, но живо, как птенец впервые расправляет крылышки.

Они посмотрели друг на друга без напряжения, без неловкости. Как люди, которым давно нечего терять и незачем стесняться.

И в этом взгляде было что-то странное — не узнавание, нет, но как будто предчувствие, что еще будет встреча, разговоры, чашка чая во дворе под урючиной, где ветер играет листьями, а слова уже не нужны.

— Меня Николаем зовут, — сказал он, чуть прищурив взгляд и глядя на Нину в упор.

Говорил без лишней мягкости, но голос его был ровный, приятный, будто бы чуть хрипловатый от горного воздуха, протянул руку, не спеша.

— А я Нина, — просто ответила она и протянула свою.

Она не кокетничала и ничего не скрывала, ей не хотелось поправить волосы, как она делала это обычно. Ей было легко и просто, как и весь день. Эта встреча будто влилась в него.

Рука у Николая оказалась теплая, крепкая, без тряски и суеты. Смотрел прямо в глаза, по-мужски, с уважением и легким, почти незаметным интересом, который трудно назвать любопытством — скорее, это было внимание.

— Только приехали? — поинтересовался он скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Да, сегодня. Вот Рустам привез.

Николай одобрительно кивнул и похлопал парня по плечу.

— Тут хорошо, особенно если есть что лечить.

Нина чуть усмехнулась краем губ:

— Конечно, есть, — коротко ответила она.

Рустам все это время лишь наблюдал, вдруг махнул рукой:

— Коля-ака, пойдемте ужинать к нам, мама шурпу сварила, стол накрыт.

Николай потянул носом:

— Да, шурпа у Васили знатная. Но… не могу сегодня, — он покачал головой, шагнул вперед.

Было видно, что он раздосадован, ему очень хотелось с ними, за калитку, и отведать шурпы. А может, побыть в обществе Нины?

— В другой раз, Рустам, обязательно! — и он снова протянул руку Рустаму, тот с удовольствием ее пожал: — Увидимся, — он мягко скользнул взглядом по Нине. — Тут всё и все рядом.

Он пошел вдоль забора легким пружинистым шагом, ни разу не оглянувшись. А Нине так хотелось махнуть ему рукой, но она проводила его лишь взглядом.

— Он один тут? — чуть смутившись, спросила Нина.

— Да, — отозвался Рустам. — Горы его приняли. Никто к нему не приезжал, а он пять лет здесь. Даже в Ташкент ни разу не съездил. Если что ему надо, я привожу из города. Или Ринат, да хоть кто. Мы же все тут друг друга знаем. Но он не выглядит одиноким, правда, Нина-апа?

Нина не ответила. В груди как будто что-то дрогнуло, и не болью, не тоской, а прошлось тихим эхом — как по воде, если бросить маленький камешек. Легкий всплеск, и нет его. Остался только след.

Рустам толкнул калитку, она скрипнула весело, и открыл перед ней проход:

— Прошу, Нина-апа.

Во дворе пахло дымом, свежим хлебом и чем-то еще необыкновенно вкусным — горячим, густым, пряным. Василя хлопотала у очага.

На айване, устланном коврами, был накрыт низенький национальный столик. Стояла глубокая чаша с салатом из помидоров, огурцов, посыпанным мелко порезанным душистым укропом, отдельно в чашке поменьше лежал тонко нарезанный прозрачными полосками репчатый лук, он тоже был смешан с укропом и красным горьким перцем, также Нина увидела кислое молоко, густо приправленное уже не только укропом, а самой разнообразной зеленью — Нина заприметила петрушку, зелёный лук, кориандр и фиолетовый базилик.

Притягивала взгляд — большая, испещренная тонким узором лепешка, такая, что глянув на нее, невозможно было не захотеть тут же отломить кусочек и макнуть в кислое молоко с зеленью.

Василя обернулась, лицо ее осветилось искренней улыбкой, теплой, материнской.

— Давайте. Давайте. Проходите, жду вас. Нина-апа, садитесь.

Рустам что-то сказал матери по-узбекски. Она ответила и махнула рукой. Нина догадалось, что Рустам сказал про рыбу.

— Василя, я поймала сазанчика. Можно будет пожарить?

— Да вы что? Очень хорошо. Конечно пожарим! Сейчас поедим, я почищу. Захотите — сразу пожарю. А нет — так завтра. Полежит в холодильнике — ничего ему не станет. Рустам, — и она снова что-то сказала парню на узбекском.

Он кивнул и зашел в дом. Вышел почти сразу с блюдом в руках, накрытым белой полотняной салфеткой. Поставил его на стол чуть поодаль от айвана.

— Нина-апа, садитесь, — Василя пригласила снова, чуть
склонившись в поклоне.

Нина недоумевала: столик такой низенький, стоит на возвышении. Как садиться?

Рустам понял смущение Нины и сел первым. Она увидела, как это нужно сделать, рассмеялась, сняла обувь, взобралась легко на топчан и села за стол на ковер.

— Выпейте пока чашку чая! — предложил Рустам и налил в пиалушку из большого фарфорового чайника.

Нина приняла чай и с удовольствием ощутила, что это не просто привычный для нее напиток, она уловила в нем тонкий аромат мяты и еще какой-то травы.

Тем временем Василя подошла к казану, осторожно приподняла крышку. В ту же секунду воздух разорвался запахом — густым, насыщенным, с оттенком специй, пареного лука, мяса и еще чего-то томленого, нежного. Чего — Нина никак не могла разобрать. Помидоры? Красный перец? Морковь? Или все вместе?

Казалось, этот запах проникает в самые потаенные уголки, будит не только аппетит, но и память: где-то что-то когда-то… в детстве…

Василя ловко зачерпнула половником, наполнила касушку, подошла к Нине, подала, чуть склонив голову:

— Отведайте, Нина-апа.

И в этом жесте было все: уважение, радость, гостеприимство, которое тут — не традиция, а образ жизни.

Глава 6

Нина взяла ложку, попробовала первую порцию и закрыла глаза от удовольствия. Потому что вкус был таким же, как запах: не просто вкус еды, а вкус тепла, простоты, жизни, в которой пока все как-то по-другому — легко и ясно.

— Как вкусно… — выдохнула Нина. — Никогда ничего не ела вкуснее. Спасибо тебе, Василя.

— Ой, — вдруг вскрикнула хозяйка и добавила что-то на узбекском, покачав головой.

— Что такое? — забеспокоилась и Нина.

Рустам улыбнулся, а Василя сказала:

— Нина-апа, в наших краях есть обычай. Первым лепешку ломает самый старший мужчина за столом — словно делит хлеб на всех. Раньше это делал отец моего мужа, но он уж давно не с нами. Потом мой муж, но… — Василя чуть запнулась, — и он не с нами. Нина-апа, поломайте вы наш хлеб. Это хороший знак для дома. Не откажите.

— Хорошо, — согласилась Нина. — Только я никогда не делала этого. У нас же хлеб, и мы его режем. Может, я…

— Что вы! Что вы! Лепешку нельзя резать, — замахала руками Василя. — Хотя, конечно, сейчас в городе режут, но мы соблюдаем обычай — только ломаем.

Нина бережно взяла теплую лепешку в руки:

— Даже жалко тебя ломать, красавица моя, — тихо сказала она.

— Только добрые люди могут разговаривать с хлебом, — заметила Василя.

Нина аккуратно разломила лепешку на небольшие куски. Василя и Рустам удовлетворенно кивнули и потянулись за хлебом.

— Знаешь, Василя, твой сын очень талантливый, — вдруг сказала Нина. — Он прочел мне сегодня свои стихи. Такие… такие, что сердце вздрогнуло от красоты его слов. И знаешь, они про меня. Так что твой сын не только талантливый, он еще очень чуткий!

— Чуткий? — переспросила Василя, смешно сморщив лоб и взглянув на сына.

— Сезгир, — тут же перевел Рустам.

Василя радостно кивнула:

— Да, да, апа! Он такой. Все понимает без слов.

— Василя, я думаю, у него есть много стихов, но он прочел именно тот, который мне был необходим как воздух! — Нина прижала руки к груди.

— Кайсы? — спросила Василя.

— Акация, — ответил Рустам, смутившись.

Василя довольно прицокнула:

— Мне тоже очень нравится этот стих. А вы попросите его еще, Нина-апа, у него есть еще. Хорошие стихи. Я не понимаю, конечно. Но это же мой сын, и мне нравится.

Мать не могла не улыбнуться. Ее глаза слегка заблестели, лицо загорелось, словно от внутреннего света.

— Да он такой, мой мальчик. Молодец. Ему бы учиться дальше… Но… — глаза Васили чуть потухли, лицо омрачила легкая тень.

— Мама, все еще будет, — Рустам обнял мать, поцеловал в цветастый платок.

— Да, да, сынок, — похлопала она его по плечу.

Этот вечер за столом — с шурпой, с теплом, с восхищением — нарисовал для Нины новый мир. Надо ли ей что-то еще? Просто сидела, ела вкусную еду, любовалась моментом: вкусом, словом, вниманием, общением, прекрасными видами на сад и на горы.

— Ой! — вдруг вскрикнула она.

— Что такое? — разом спросили Рустам и Василя обеспокоенно.

— Я же купалась, Василя! Два раза. Прямо в платье! Правда, все высохло, но надо ж было переодеться.

— Ничего, Нина-апа, сходите в баню, помоетесь. Сегодня такая жара, что и топить не надо. Вода согрелась от солнца! Кипяток почти.

Василя не торопясь принялась убирать со стола. Как и все в этом доме, чай был не просто напитком, а ритуалом, частью беседы, частью уюта.

Она подала пиалу Нине, и та обхватила ее ладонями, будто согреваясь изнутри. К чаю подали по-местному обычаю: не сладкое печенье или торт, а совсем другое — по-настоящему восточное. На подносе, который вынес до этого Рустам, лежали изюм, курага, разные орешки, сушеный инжир, только Нина не знала, что это такое.

Она взяла прежде всего его, и, откусив кусочек, удивленно подняла брови:

— Как вкусно! А это что такое?

— Инжир, только сушеный, — ответила Василя. — С нашего дерева. Я сама сушила.

— Инжир?! — воскликнула Нина и вдруг — будто проснулась, будто в ней встрепенулась та девочка, которая с раннего утра ждет праздника. — Рустам! Ты же обещал показать мне инжир!

— Так пойдёмте! — сказал он, поднялся и жестом пригласил.

Они вошли в сад. День уже клонился к закату, небо налилось густым вишневым цветом, и тени стали мягкими, длинными. Во дворе — прохлада, и в ней запах травы, почему-то влажной, теплой, живой. Сад встретил их шелестом листвы, и едва ступив на мягкую землю, еще не остывшую, но уже под вечер прижавшуюся к ночи, Нина остановилась.

— Рустам… — прошептала она. — Это тот запах, с дороги…

— Да, Нина-апа.

— Он такой же. Точно такой же…

Она прикрыла глаза. Да, это был он — тот самый аромат, неуловимый, обволакивающий, как тонкая вуаль, как память, как зов. Когда они шли с Чарвака, она уже чувствовала его, еще не зная, откуда он. И вот он — здесь, в этом саду, в теплой зелени, в воздухе, в самой земле.

— Это инжир, — улыбнулся Рустам. — Деревья старые, сладкие. Когда плод еще не сорвали, он пахнет сильнее. Пошли, я покажу.

И Нина пошла — не просто за инжиром, а как будто за ответом, за знаком, за чем-то важным, что подскажет: она все еще может удивляться, восхищаться простыми вещами, все еще может чувствовать.

Рустам показал Нине инжир. Она аккуратно взяла руками резной лист и чуть потерла — аромат потек еще сильнее.

— Рустам, я не могу от него оторваться. Он меня будто магнитом тянет! Я хочу его вдыхать и вдыхать. Ой, — вскрикнула она, увидев крошечные плоды. — Да неужто?

— Да, — подтвердил Рустам. — В этом году пораньше. Обычно их еще нет к этому времени. — Нина-апа, под вашим окном есть инжир, вы будете чувствовать его запах всю ночь. Он еще вам надоест.

— Что ты, Рустам! Как может надоесть это чудо!

— Нина-апа, пойдемте, чаю выпьем, мама со стола уберет и отдыхать пойдет. Она очень устала — весь день на ногах. Во дворе много дел. И ей вставать с утра рано. Корову доить и в стадо отправлять. Не обиделись?

— Да ну что ты! Пошли, конечно. Если я могу чем-то помочь Василе — то буду только рада.

— Нина-апа, вы наш гость. Но если захотите, то уверен, мама найдет вам работу по силам.

— Я сильная! Я очень сильная! — рассмеялась Нина. — Во сколько встает солнце? Я хочу встретить завтра рассвет.

— Я вас разбужу, — пообещал Рустам.

Когда Нина и Рустам вернулись к топчану, Нина вздрогнула: за столом сидел Николай с пиалушкой в руке. Василя что-то говорила по-узбекски, а он улыбался и кивал.

Глава 7

Первый порыв Нины заставил ее чуть попятиться назад. Она наткнулась на Рустама, он улыбнулся:

— Вы что, Нина-апа, что-то случилось?

Но Нина уже взяла себя в руки:

— Нет, нет, все нормально. У нас гости.

— Вижу, — Рустам расплылся в улыбке, — Коля-ака все-таки зашел! Идемте, он ненадолго. Он никогда не задерживается, выпьет пиалушку чая и уйдет, как бы ни уговаривали остаться.

— Что так? — удивилась Нина, а сама подумала: «А ведь иногда именно такие люди остаются в сердце».

Рустам пожал плечами:

— Не хочет вторгаться ни в чью жизнь надолго. Так он мне сам сказал.

Тем временем Нина и Рустам приблизились к топчану настолько, что нужно было реагировать на приход гостя. Нина промолвила:

— Добрый вечер.

Николай ответил ей, встал с топчана и сердечно пожал руку Рустаму.

— Предлагаю шурпу — отказывается! — сокрушенно покачала головой Василя.

Стол был снова накрыт к чаю. Василя тут же добавила еще две пиалы.

— Давайте, Нина-апа. Еще чаю.

Нина хотела отказаться и уйти к себе, но поняла, что это будет невежливо, и присела на краешек топчана.

— А вы что ж? — улыбнулся Николай, и улыбка его была такой доброй, словно у отца: — Давайте с ногами. Ну же!

И Нина, сама не ожидая от себя, повиновалась. Сбросила балетки — и вот она уже сидит напротив мужчины.

— Коля-ака, почему шурпу не хотите? — спросил Рустам. — Очень вкусно получилось.

Николай рассмеялся, да так заразительно, что все невольно улыбнулись:

— Рустамка, а я и не сомневаюсь нисколько, что вкусно получилось. У Васили знатная шурпа. Да ты знаешь, я ведь у Саида был, у него что-то с котлом случилось, он меня позвал. Вот пришел просить тебя заехать завтра в магазин в городе и купить деталь. Буду чинить.

— Ага, понял, а от Мадины-апы разве выберешься без ужина. Деталь, конечно, привезу, только на бумажке внятно напишите. А то в прошлый раз — помните? — теперь Рустам весело рассмеялся.

— Да у нас ни от кого без ужина не выберешься, — тепло улыбнулся Николай.

Нина обратила внимание, с какой интонацией сказал Николай «у нас» — так говорят про очень любимых, дорогих людей, про семью.

«Какой же ты интересный человек, Николай! Как мне хочется узнать тебя ближе», — вдруг подумала Нина.

А Николай между тем продолжал:

— Да, Рустам, помню ту свою оплошность. Это ж надо было так написать «штуцер», что никто разобрать не смог.

— Говорят, что самый отвратительный почерк у врачей, — тихо вставила Нина.

Николай вдруг вздрогнул, и легкая тень будто коснулась его лица, но он тут же справился с собой:

— Это вы просто мой почерк не видели, Нина. А вообще, давай на «ты»? Не против?

Нина испытующе посмотрела на него: что это? Он уже без ее согласия навязывается к ней в друзья? Но Рустам сказал, что он не навязчив. А может, он ненавязчив с чужими? Так, стоп! Чужая ему, скорее, она, а не эти люди, с которыми он прожил бок о бок много лет и говорит о них, как о своей семье.

Впервые за этот день Нине в голову пришли какие-то совершенно ненужные, городские мысли. Она улыбнулась лишь уголками губ. Городские мысли! Точно. Ведь здесь и мысли совсем другие, не городские. К чему что-то усложнять? А потому она открыто улыбнулась и протянула Николаю руку через стол:

— Согласна, Коля, давай на «ты».

Все ожидали ее ответа, а потому примолкли, а теперь загалдели разом, обрадовались.

Василя принялась потчевать гостей, предлагая орешки, изюм, рахат-лукум.

— Рустам свежий мед на днях привезет, — заметила она.

— Ах, точно! — встрепенулся Николай. — Майский мед! Нина, ты ела майский горный мед?

— Нет, никогда. Я вообще впервые в горах.

— Как я тебе завидую, Нина. Все впервые! Эта красота, — он широко повел рукой вокруг, — воздух, цветы, фрукты, еда, запахи, Чарвак, мед! А курт? Ты уже попробовала курт? Свежий! Который у тебя во рту обволакивает сразу своим необычным кисло-солоноватым вкусом так, что ты теряешься, прикрываешь глаза и сидишь так, смакуя, а рука уж тянется за вторым шариком.

— Нет, я не ела курт, — прошептала Нина, — но уже хочу.

— Василя, так дай же ей! — он с теплом и требовательностью отца глянул на Василю.

Но женщина расстроилась, развела руками:

— Кончился, Коля-ака! Вы же знаете, Рустам только с пасеки курт берет. Я давно не делаю. Некогда! А давно же был! Вот на днях за медом поедет и привезет.

— Рустамка, когда собираешься?

— Так, — Рустам сосредоточенно сморщил лоб, — завтра у меня большой заказ.

Парень кинул быстрый взгляд на мать, глаза той блеснули радостью.

— Не хотел говорить раньше времени, мама, но завтра у меня хороший денежный заказ. Людей привезу, и вечером увезу. Хорошо платят.

Василя всплеснула руками и пошевелила губами. Нина поняла, что она прочитала молитву, а еще поняла, что не так просто живется в кишлаке простым людям, раз они радуются однодневному, пусть и хорошему, заработку.

Нина припомнила, что машина у Рустама старая: кажется, она называется «Нексия».

Будто прочитав ее мысли, Василя воскликнула:

— Наконец-то машину починишь. Теперь хватит. А то я каждый раз думаю — вдруг станешь среди гор! — и женщина добавила что-то по-узбекски.

Видимо то, что никак не могла сказать по-русски.

— Мама, ну что вы такое говорите? Все будет хорошо со мной. Да, теперь починим машину основательно. Ну так вот, — Рустам взглянул на Николая, — послезавтра поеду на пасеку. А уж в пятницу на ремонт встану.

— Давай так, Рустам, завтра езжай спокойно! Гарантирую, что все будет отлично, — Николай обвел взглядом Рустама и Василю. — А послезавтра за аккумулятором и на ремонт. Я быстро сделаю Саиду «Аристон» и тебе машину, и поедем все вместе на пасеку. Нина, поедешь с нами? В Бричмуллу, на пасеку.

— В Бричмуллу? — Нина задохнулась от восторга. — Да еще и на пасеку?

— Да, Рустам, ты уже рассказал про Тамилу?

Рустам качнул головой.

— Тогда можно я?

Рустам улыбнулся:

— Конечно, Коля-ака.

— У Васили есть старшая дочь Тамила. Так вот они с мужем продолжили дело деда. Он был пасечником. Пасека в Бричмулле. Семь лет назад его не стало, и Тамила с мужем уехали туда.

— Молодцы, как это здорово! — похвалила Нина.

— Ну так что, едем? — он посмотрел на Нину внимательно, и как ей показалось с опаской. — Возьмешь нас? — перевел взгляд на Рустама.

— Конечно, с удовольствием.

Василя прижала руки к груди:

— Как я соскучилась по внукам. Как бы и я хотела поехать с вами!

Рустам обнял мать:

— Мама, поехали! Ну хоть на несколько часов.

Мать замахала руками:

— Что ты, сынок! Столько дел по дому, в огороде. Нет, пока не получится. Худо каласа (дай Бог), на той неделе!

— Хорошо, мама, на той неделе обязательно!

— Нина, а ты? — Николай ждал ответ.

— Конечно, до пятницы я совершенно свободна.

Коля, Василя и Нина рассмеялись. А Рустаму оставалось лишь хлопать глазами.

— Ты не смотрел мультфильм про Винни-Пуха? — спросила у парня Нина.

— Нет, Нина-апа, извините, — смутился Рустам.

Николай улыбнулся, поднялся с топчана:

— Еще посмотрит, все впереди у него. Молодой! Ну мне пора, поздно уже. Завтра рано вставать. Работы много.

— А ты далеко живешь? — осмелилась и спросила Нина.

Все рассмеялись, а Василя ответила:

— Нина-апа, весь кишлак можно за час обойти. Николай-ака живет чуть выше нас.

— Не торопясь, дойду минут за десять. Совсем рядом.

Николай пожал руку Рустаму. Василя обняла гостя по-родственному, тепло и крепко, будто провожала не просто человека, а своего отца. Нина вдруг почувствовала, что ей приятно такое отношение Васили к Николаю.

«Значит, он хороший человек!» — в чем Нина уже ни капельки не сомневалась.

Глава 8

Провожали Николая до калитки все вместе. Он махнул напоследок рукой и пошел легким шагом вдоль забора не оглядываясь. А Нине снова так захотелось, чтобы он оглянулся.

Ей вдруг стало ясно: он не чужой, он — один из тех, кто умеет быть рядом и не мешать. Один из тех, с кем ей будет легко молчать… она знала это. Скоро они будут вместе молчать.

В детстве она всегда мечтала о таких отношениях, как у ее родителей. Что у нее будет муж, такой как папа, с которым не надо будет притворяться веселой, интересной, умной — а можно будет просто сидеть рядом, смотреть на озеро, непременно на озеро, и чувствовать, что тебя понимают. С отцом Евгения эта мечта не сбылась. Он был вечно занят, все время на работе, а когда вышел на пенсию, то быстро умер…

И вот у Нины вновь появился шанс. И озеро рядом! Она тихонько засмеялась от счастья.

Нина стояла, прислонившись к забору, сердце ее трепыхалось, словно только что вылупившийся воробышек, и это было приятно, и ничуть не беспокоило. Потому что трепыхалось оно не от болезни, и даже не от усталости, а от чего-то очень нежного, нового… не то чтобы счастья — еще рано — но как будто оно приближалось. Шло, осторожно ступая, через ее боль, одиночество, прошлое, страх.

Николай не сказал: «Ты мне нравишься». Но Нина услышала. Потому что иногда это слышится в тишине. А скоро она услышит: «Я тебя люблю!»

Никогда и ни в чем она не была так уверена, как в этом.

«Все свершается на небесах. Там, — она посмотрела наверх, — все уже известно. И потому диагноз, и Ирка с ее путевками, и этот сайт про Чарвак, на который я наткнулась случайно. Нет, сначала сайт, а потом Ирка! Или наоборот? Да какая разница! И именно Рустам меня отвез, а ведь водителей было очень много, и все они наперебой предлагали мне свои услуги. А я выбрала его, Рустама! И «Аристон» у Саида сломался именно сегодня… чтобы мы познакомились сразу, не затягивая, в первый же день… это мой мужчина».

А пока — ночь, и в темноте черные очертания гор, живых… они словно дышат ровно, как большое сердце, которому она тоже хочет принадлежать.

— Нина-апа! — позвала Василя негромко.

Нина вздрогнула.

— Пойдемте, я покажу вам баню, помоетесь на ночь, — предложила хозяйка.

…Нина уже предполагала, что в этой бане не будет привычных полок, тазиков с горячей водой, парной. Но когда вошла — все равно растерялась: будто все внутри было сделано не для мытья, а для молитвы.

Стены — глиняные, закопченные, от них пахло углем и почему-то мятой или какой-то другой травой, а может, даже травами? Или просто так показалось?

У печки стоял большой чугунный казан с водой.

— Нина-апа, попробуйте, вода должна быть теплая.

Нина зачерпнула ковшом и потрогала воду пальцем, радостно рассмеялась:

— Василя, вода очень приятная, спасибо.

— Я вам там полотенце оставила, потом на веревку повесьте. За ночь высохнет, а утром на пляж его возьмите. Вы же пойдете рассвет встречать, Рустам сказал.

Нина кивнула. Все так.

— Поплавайте обязательно. Чарвак на рассвете совсем другой. Да он всегда разный. Ну не буду вам мешать. Вон там мыло.

Василя ушла, притворив за собой дверь.

Нина увидела пучок сухой травы, туго связанный, подвешенный прямо под потолком — она никогда раньше не видела такой травы, сквозь круглые отверстия в баню проникал тусклый

свет, похожий на лунный, широкая деревянная лавка так и приглашала присесть. Нина так и сделала: присела и прислонилась к прохладной стене.

И в тот же момент ощутила такой покой и расслабление, что даже стало лень мыться. Но она заставила себя сбросить платье, белье, зачерпнуть воды и полить себя сверху.

Когда поток чуть прохладной воды коснулся ее спины, Нина вскрикнула от восторга — вода, показавшаяся теплой пальцу, была чуть теплее, чем в Чарваке, что вызвало не недовольство, как могло бы произойти, окажись она дома, а восторг. Дрожь расслабления прошла по плечам, как будто распутала узлы напряжения окончательно.

«Да, именно так должен был закончиться день. Омовением! Мне все тут нравится. Я от всего получаю необыкновенное наслаждение, — повторяла Нина как мантру. — Господи, спасибо тебе. Я здесь всего один день, а столько событий, столько эмоций. В Москве мне этого на год бы хватило. Горы, Чарвак, инжир, шурпа, Николай. Сюда стоило приехать только ради него. Нет, не так! Сюда стоило приехать только ради тех эмоций, которые я испытала благодаря ему. Да у меня ж бабочки в животе! Как давно их не было! И вот снова. Неужели я еще могу любить?»

Нина замерла и проговорила следующий вопрос тихо, но вслух:

— Неужели я еще могу быть любима?

И тут же сама себе ответила:

— Да, могу. Я это чувствую.

Хорошенько вымывшись и повесив мокрое полотенце на веревку, Нина зашла в свой домик, в нем было чуть душновато и пахло чем-то терпко — какой-то травой. «Зверобой», — догадалась Нина и тут же увидела букет в кувшине на подоконнике.

Она улыбнулась, поняв, что это Василя нарвала травы и поставила в ее комнате. Нина присела на край кровати, сняла обувь и улеглась прямо в одежде. Вот только теперь женщина почувствовала, как она устала. Тело запросило покоя.

Но сон не шел, Нина вновь услышала голос Николая, его смех, «давай на ты», увидела теплый отцовский взгляд, улыбку…

В голове вновь мелькал весь день: аэропорт, жара, машина, Рустам, горы, трава, небо, Чарвак, камни, шурпа, мед, курт, и снова он. Николай…

«Так хочется узнать тебя ближе, Коля…» — тихо прошептала она и поняла — завтра будет новая встреча, чаепитие, потом поездка на пасеку, первые шаги вместе… и первые чувства.

Мама когда-то учила ее не надеяться слишком рано. «Осторожней, а то разочаруешься», — говорила она.

Но Нина, вопреки предостережениям мамы, надеялась сейчас. Ох как надеялась! Пусть не вовремя, не к возрасту, не к диагнозу, но разве у сердца бывает отпуск? Разве можно ему сделать заказ?

Она улыбнулась: весь день прошел, как сон.

«Разве так бывает? — спрашивала себя Нина и тут же сама себе отвечала: — Бывает!»

Она вдруг вспомнила, как ее соседка, гневливая, вечно всем недовольная женщина, съездила в прошлом году в Узбекистан и рассказывала всем, как ей все не понравилось: еда слишком жирная, погода слишком жаркая, люди неприветливые и говорят только по-узбекски…

От еды Нина получила неимоверное наслаждение, жару она погасила в Чарваке, люди замечательные, а если говорят на своем родном языке — так что же в этом странного?

Да только Нина сразу сделала вывод — вот к примеру Василя! Говорит на двух языках! А соседка? На одном, и то частенько неправильно.

«Красота в глазах смотрящего!» — подумала Нина и с удовольствием поняла, что хорошо помнит, откуда эта фраза. Она из романа «Молли Бон».

Вокруг наступила та особая тишина, что бывает только в горах, — живая, обволакивающая, будто сама ночь глядела в окна не дыша. И лишь сова-сплюшка сообщала: «сплю, сплю».

Глава 9

Нина только закрыла глаза — и тут же их открыла, — так ей показалось.

Ночь будто проскользнула где-то мимо, теплая и мягкая, как рука матери, гладящая по лбу. Ни сонливости, ни тревоги, а только энергичность и жизнелюбие. А еще интерес — что же будет сегодня?

Она очнулась от осторожного, почти неслышного стука в дверь.

— Нина-апа… рассвет скоро, — это был Рустам. — Пора. Я схожу с вами, а потом сразу уеду. Идемте.

Она быстро села на кровати, посчитала до десяти, чтобы окончательно прийти в себя, мгновенно натянула купальник и накинула халат, во дворе стянула полотенце с веревки.

— Я готова, — отрапортовала.

Рустам улыбнулся:

— Ну тогда кеттик!

Нина без перевода поняла, что Рустам зовет ее в путь.

Воздух был зыбким, еще чуть темноватым, как бы тянущимся от земли к небу.

Они шагали молча.

Дорога к озеру казалась совсем другой — еще более таинственной, чем вчера вечером.

Им не встретились ни машины, ни люди — как будто сам мир приостановил дыхание, уступая место их шагам. Но кишлак потихоньку просыпался — то тут, то там слышался крик петуха, корова звала хозяйку освободить себя от молока, где-то заплакал младенец, а где-то шумно лилась вода.

«Поливают», — догадалась Нина.

Деревья были неподвижны: ни один листик не шевелился. Над горами вставала легкая белесая пелена. Где-то далеко крикнула птица — одинокая, будто проверяя, жив ли уже этот день?

Рустам шагал рядом — то чуть впереди, то чуть сзади.

Он не говорил ни слова, и в этом молчании было все: уважение, понимание, зарождающаяся дружба.

Нина смотрела вперед и ощущала, как что-то в ней тихо оттаивает, трогаясь в путь.

Той, которую она потеряла вчера, почти не было. Лишь иногда возникала какая-то слабая тревожность.

«Альцгеймер… тебе ли не знать!»

Но тут же мощная новая волна накатывала и смывала все…

«Это не про меня! Я здорова!»

И вдруг, снова так же неожиданно, как вчера, взору открылся Чарвак. Нина знала, была готова, но снова обомлела. Как вчера вечером сказала Василя? Он всегда разный.

Нина остановилась.

Все внутри застыло, будто сердце на секунду забыло, как биться.

Перед ней открылась ровная, гладкая, без единой ряби вода, зеркалом отражающая всё небо, горы, каждую трещинку в рассвете.

Небо было еще нежным, чуть серовато-розовым, а над горами, над той самой вершиной, откуда вот-вот должно было взойти солнце, — плыла золотистая вуаль.

Нина не могла ни идти, ни говорить.

Слезы потекли сами, не спрашивая разрешения.

И она позволила им течь, как воде — быть водою.

Потом, будто очнувшись, она медленно пошла вперед.

Шаг, еще один. Она сняла обувь.

«Что ж раньше-то не догадалась. Надо все время ходить босиком!»

Камни под ногами были прохладными, хотя воздух уже начинал теплеть.

Нина села на большой, плоский валун, будто предназначенный для нее.

Натянула платье на колени, оперлась руками о камень.

Остались только она и озеро. Все остальное исчезло.

Она даже забыла, что пришла с Рустамом. А он стоял чуть поодаль, тихий, невидимый, как тень дерева. Не тревожил, не подходил, он все понял.

А над горами медленно появлялось солнце.

Сперва небо окрасилось в малиновый цвет, потом появился тонкий золотой ободок, протянувшийся над вершиной. Потом будто кто начал выкатывать огромную медную монету из-за горного края — и все вокруг дрогнуло от света.

Свет сначала был неярким — теплым, мягким, обволакивающим, как взгляд.

Горы, озеро, небо — все начало меняться.

Цвет воды стал аквамариновым, с тонкой полоской золота у берега. Тени на склонах ушли в себя, и мир стал новым.

Рустам смотрел на все это — и вдруг поймал себя на том, что давно разучился любоваться этой красотой, он принимал ее как обыденность, как данность.

Он привык к этому чуду.

Чарвак — был просто Чарвак. Рассвет — каждое утро. Закат — каждый вечер. Горы — каждый день.

А теперь он смотрел на Нину, а на рассвет ее восхищенными глазами. Невероятно красиво!

Нина же вдруг вздрогнула, встала, скинув с себя платье, осталась в купальнике и, нисколько не смущаясь своего тела — оно больше не казалось ей старым, пошла к воде.

На ней было ее тело — ее шестьдесят пять лет, прожитых и выстраданных.

Сначала воды коснулись пальцы, потом ступни, щиколотки. Потом — прохладное прикосновение до колен. Нина не останавливалась, не вскрикивала и не вздрагивала. Она принимала озеро, а оно принимало ее не спеша, как будто проверяло: ты ли это вчера приходила?

И вот — живот, грудь, плечи. Нина вдохнула и погрузилась в воду с головой, проговорив мысленно: «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да пребудет царствие Твое…»

Здесь, на узбекской земле, Нина принимала крещение — второе в своей жизни. Первое она не помнила. Крестила ее бабушка тайком от всех, когда ей было всего три года.

И вот второе — сознательное, разумное! Крещение водой Чарвака, очищение водой Чарвака.

Вода была прохладной, обволакивающей, как нежное объятие.

Она не пугала, она звала.

Нина вынырнула, глубоко вздохнула и вытянулась на воде, снова став лодочкой.

Тело само приняло форму покоя.

Такой легкости, как она испытала сейчас, она не знала давно. Не в теле — в душе. Не в движении — в неподвижности.

Не в мысли, а в полном ее отсутствии.

Озеро держало ее, как тогда отец, — крепкими, добрыми руками.

Над ней поднималось солнце все выше и выше. В озере никого — только она. На берегу только Рустам, которому она всецело доверяла.

И она не боялась — ни возраста, ни болезни, ни чужих глаз, ни себя.

Напитавшись энергией воды, Нина вышла неспешно, будто не шла, а вырастала из самой глади, — ноги блестели каплями, вода струилась по волосам, спине, по бокам, бедрам, и все в ней, в этой женщине, было сейчас не про возраст, а про начало, как будто только что, этим утром, ее впервые создала вода, и теперь — отпустила обратно на берег.

Она не торопясь накинула большое полотенце, теплое, пушистое, пахнущее солнцем, — и только тогда посмотрела на Рустама, стоявшего чуть в стороне, с опущенными глазами, с уважительной тишиной в лице.

— А ты ведь, наверное, воспел Чарвак в своей поэзии, — то ли спросила, то ли сказала она негромко.

Рустам поднял взгляд.

В нем не было удивления — хотя хотелось спросить: откуда вы знаете? Он не стал отнекиваться, не стал говорить «не сейчас» или «потом», потому что понял: этот рассвет просит слов, этот воздух требует стихов, это озеро должно быть произнесено человеческим голосом, иначе оно уйдет в утро без следа.

И Рустам не заговорил, он запел:

— Где вода — там и жизнь,
Где вода — урожай,
Тот, которым богат
Этот солнечный край!
На слиянии трех,
С гор сбегающих рек,
Смог построить плотину
Простой человек,
Не испортив природы
Родной красоту.
Эту водную гладь
Видно всем за версту.
Славно водится рыбка
В чистейшей воде,
А крупнее сазанов
Не ловил я нигде!
Хорошеет Чарвак —
Город рядом с водой,—
Он красив, горделив,
Хоть совсем молодой!
Я люблю посидеть
В тишине у воды
По песку побродить,
Оставляя следы.
От судьбы не уйти
Никогда и никак!
Моё сердце с тобою
Навечно, Чарвак!
Так цвети и расти,
Плодонось сотни лет,
Чтоб гордиться тобой
Мог простой человек!

И пока он пел — голосом не певца, а простого узбекского парня, — Нина слушала, не отводя глаз от той линии, где небо встречалось с водой, и в ней внутри, где-то между сердцем и дыханием, зарождалась тишина, полная чего-то необъяснимого, как будто жизнь снова согласилась быть ее жизнью, с прошлым, с телом, с памятью, с этой водой, с этим утром, с этим хорошим талантливым мальчишкой.

Нина не сразу смогла что-то сказать — да и нужно ли было? В ней все звенело — каждая клеточка, каждый вдох, и даже слезы, что обычно текли по щеке, теперь будто поднимались обратно внутрь, превращаясь в свет. У нее не было слов, чтобы выразить то, что она чувствовала в этот миг — это был восторг, радость, благодарность, умиротворение и что-то детское, звонкое, впервые пережитое, то, что не успела пережить в детстве, а пережила только сейчас.

Она сделала единственное, что могла: шагнула к Рустаму и обняла его — просто, по-доброму, как обнимают тех, кто близок сердцу, кто по праву рядом, кто достоин.

Обняла тихо, без лишнего движения, прижавшись щекой к его плечу, и в этом прикосновении было все: и тепло прошедшей жизни, и внезапная, оглушающая нежность, и какое-то смирение.

Он не вздрогнул и не удивился. Он только улыбнулся — чуть, уголками губ, и сказал так просто, как будто давно носил это в себе:

— Нина-апа… Так получилось, что у моей мамы не было мамы. А у меня не было бабушки. У папы была мама, но она жила далеко, в другом кишлаке, и я ее почти не видел… — он замолчал на секунду, будто собирал в горсть следующее слово. — Я бы хотел… такую бабушку, как вы, апа.

Нина чуть отстранилась, посмотрела в его глаза — и в них не было ни шутки, ни вежливости, ни сентиментальности. Только правда, чистая, как это утро.

И она поняла, что нет выше награды — чем быть нужной вот так, просто, без объяснений, без расчета, без прошлого и без будущего. Быть нужной здесь и сейчас. Как хлеб, как тень в полдень. Как бабушка…

Она не ответила словами. Только ладонью провела по его щеке — бережно, осторожно, как бы не потревожить. А потом вдруг рассмеялась — легко, звонко, как девочка, в которой проснулось солнце.

И на душе у нее стало так хорошо, как не было уже очень давно.

Они возвращались не дорогой, а совсем другой тропой, по которой уже начали сползать солнечные лучи, скользящие по глинистым склонам, цепляясь за травы, за плечи, за мысли. Шли быстро, будто боялись опоздать. Просто время само ускоряло шаг, не позволяя задержаться, не давая прижиться мгновению.

Нина шла впереди, босая, с полотенцем на плечах, молчаливая, как женщина, что приняла в себя утро, озеро, поэзию, и несла это в себе, не расплескав. Рустам шел за ней, чуть позади, не догоняя, не торопя, и будто прощался — не с ней, а с этим утром, с водой, с собой в этом утре.

Глава 10

Утро в кишлаке всегда в любое время года пахнет свежеиспеченным хлебом. Кто-то печет лепешки для себя, пока не жарко, а кто на продажу. Некоторые пекут самсу — чаще на продажу. В свой дом — только на праздник или для гостей. Дорогое удовольствие — самса, даже с картошкой, и трудоемкое.

Если в доме есть человек, кто печет, как правило, это мужчина — его больше никакой другой работой не напрягают. Стоять у тандыра, лезть в него по пояс как в жерло вулкана — тяжелый, если не сказать адский, труд.

Нина сразу ощутила этот запах — мягкий, сливочный, чуть терпкий.

Василя уже переделала утренние домашние дела и с улыбкой встречала, чуть поклонившись и прижав руку к груди:

— Ай, апа, доброе утро, идемте! Выпейте парного молока, только что корову подоила.

На топчане уже ждал завтрак: горячая ароматная лепешка, свежий чай с травами, густой каймак в пиалушках и самса — румяная, пышная, исходящая паром.

Василя, смутившись, добавила:

— Самсу не сама пекла, сбегала к соседке — Гулин сын Ахат печет на продажу. Но можем и свою напечь, если хотите? — тут же предложила.

Нина улыбнулась, присаживаясь:

— Я ела такую самсу в Москве, — сказала она. — Но сейчас, наверное, получу просто гастрономический удар. Я абсолютно уверена, что в Москве совсем не то.

Нина осторожно взяла самсу в руки и вскрикнула, рассмеялась.

— Горячо!

Василя и Рустам тоже засмеялись.

Нина подула и откусила, прикрыв глаза от наслаждения. Да это было непередаваемое ощущение! Самса хрустнула и рассыпалась во рту, брызнув горячим ароматным соком. Нина снова вскрикнула: она не ожидала, что сок потечет прямо по рукам.

— Господи, я никогда ничего подобного не ела! Как вкусно!

Рустам и Василя переглянулись и одобрительно закивали.

Прожевав, Нина тихо произнесла:

— Да, это гастрономический удар… но такой добрый. Он не бьет, он оживляет. Представляю, какую вкусную самсу печет Ахат для себя.

Василя замахала руками:

— Что вы, что вы, Нина-апа! Ахат печет всегда одинаково. Для всех вкусно. Это ж для сельчан, Гулин сын Махмуд продает самсу из дома — только свои разбирают. Да и на базар по праздникам Ахат вкусно печет. В наших краях плохая самса — редкость. Побить могут, — покачала головой Василя.

Плотно позавтракав, Рустам с сожалением вздохнул:

— Мне пора… Люди ждут.

Он обнял мать, потом с уважением поклонился Нине:

— Не скучайте, апа… отдыхайте. Я к вечеру вернусь. На озеро днем не ходите — сгорите. Жарко. Вечером можно.

— Ой, — ахнула Нина, — я ж снова не переоделась. Пока шли, все высохло. Я и забыла, что я мокрая была совсем.

Нина дернулась, произнеся слово «забыла», но тут же успокоилась. Нет, это не патологическая забывчивость. Это и молодой забыть может. Успокоение прокатилось волной по ее телу.

Рустам сел в машину, завел мотор и потихоньку выехал со двора.

Василя встала, а вслед за ней и Нина, она увидела, как губы матери зашептали молитву — охранную, для сына.

Когда Рустам скрылся за поворотом, Василя покачала головой:

— Машина старая совсем, самый первый выпуск Нексии. Еще муж мой покупал. Ох и влезли мы тогда в долги. Поверите, Нина-апа, только в прошлом году я рассчиталась. И то Тамила помогла: почти весь доход за мед мне отдала. Но теперь все — долгов нет.

«Долгов нет, и машина на ладан дышит!» — с тоской констатировала Нина.

Все простые люди на белом свете живут примерно одинаково. Трудятся от зари до зари, а ничего себе позволить не могут. Весь шик у тех, кто ничего не делает. Тяжелый физический труд дешево ценится. Увы.

Василя опять упомянула своего мужа, Нине хотелось знать, где же он, но неудобно было спросить. Захочет — сама расскажет.

Во дворе снова воцарилась тишина, нарушаемая только легким посвистыванием ветерка в листьях чинары да лаем собак.

Василя пошла к топчану, приговаривая:

— Сейчас я все уберу… и в огород надо. А потом, может, прилягу на часок. Жара сегодня будет к полудню сильная. Нина-апа, а вы идите переоденьтесь, полотенце и купальник сушить повесьте. А сами прилягте в саду на хамак… — произнесла она с узбекским акцентом последнее слово.

— Хамак? — повторила Нина.

— Не знаю, как по-русски… идемте, — и Василя провела Нину в дальний угол сада. Там между двумя яблонями был привязан… гамак.

— Гамак! — восхитилась Нина.

— Да, да, гамак! — закивала Василя довольная.

Нина посмотрела на женщину, обняла и с совершенно искренним, домашним участием произнесла:

— Василя, я хочу тебе помогать. Я не гость… я хочу быть полезной, по-настоящему.

Василя посмотрела на нее — долго, мягко, с теплом, в котором не было ни капли снисхождения, а лишь любовь.

— Нина-апа, знаете, — задумчиво произнесла она, — у нас много бывает гостей за лето. Из города приезжают на выходные, иногда издалека. Русские, узбеки, корейцы. Пьют много, шашлыки жарят, шумят, иногда ругаются и даже дерутся. А вы какая-то другая, как будто родная… — сказала она. — Да, давайте вместе. Пока солнце не пришло на огород, к земле сходим. Там сорняк поднялся. Надо прибрать, а то потом запалит — не зайдешь.

Нина кивнула, улыбнулась с неожиданной радостью, будто услышала зов не к труду, а к празднику.

Она быстро заскочила к себе, сняла купальник, надела сухое белье, достала из шкафа тренировочные брюки и широкую хлопковую рубаху, на голову повязала платок.

Когда она вышла, Василя цокнула:

— Чиройли нима. Какая красивая! Нина-апа, мне неудобно спрашивать, но все же. А сколько вам лет?

— Мне шестьдесят пять! — с гордостью проговорила Нина.

Василя удивленно подняла брови:

— А не обманываете?

Нина радостно рассмеялась и покачала головой:

— Нет! Зачем?

— Коле-ака тоже шестьдесят пять, — зачем-то сообщила она. — Знаете, у нас тут детские лагеря есть. Так вот Коля-ака во всех плотником работает.

— Как во всех? — удивилась Нина. — Успевает?

— Успевает! Он всегда, как ребята разъедутся в конце лета, все чинит сразу, почти всю осень возится. А потом только, когда позовут — сломают что-то и зовут. Скоро смена начинается. Наверное, недели через две. Коля-ака сильно занят будет — не увидим его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.